

ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКАЯ ФАНТАСТИКА

Валерий Большаков

**ПОЗЫВНОЙ:
«ВАРЯГ»**

Спасти Севастополь!

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Б79

Художественный редактор *П. Волков*
В оформлении переплета использована
иллюстрация художника *В. Петелина*

Большаков, Валерий Петрович.

Б79 Позывной: «Варяг». Спаси Севастополь! / Валерий Большаков. — Москва : Эксмо : Яуза, 2016. — 352 с. — (Военно-историческая фантастика).

ISBN 978-5-699-90734-2

НОВЫЙ военно-воздушный боевик от автора бестселлеров «Позывной: “Колорад”», «Позывной: “Москаль”» и «Диверсант №1». Наш современник становится лучшим асом Сталина. Зброшенный на Великую Отечественную, «попаданец» переламывает ход войны.

Но после Победы над Гитлером ему предстоит новый бой — теперь уже на Тихом океане, против бывших союзников-американцев и под новым позывным: «Варяг».

Ему суждено громить военно-морские базы в Перл-Харборе и Скапа-Флоу, бомбить Стамбул, Лондон, Лос-Анджелес, Нью-Йорк и лично арестовывать «поджигателя войны» Черчилля.

Но сможет ли лучший «сталинский сокол» спасти Крым от американских «Летающих крепостей», несущих атомную бомбу?..

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Большаков В.П., 2016
© ООО «Издательство «Яуза», 2016
ISBN 978-5-699-90734-2 © ООО «Издательство «Эксмо», 2016

ГЛАВА 1

МЕДВЕДЬ И ДРАКОН

Москва, Кремль, 16 апреля 1945 года

Дымные шнуры пулеметных трасс прочертили небо. Мимо. Показались три девятки «Юнкерсов», направлявшихся Минск бомбить. Их сопровождали «мессеры».

— Я — Москаль, — сказал Рычагов мужественным голосом. — Группа, набираем высоту.

«Мигари» полезли вверх.

— Командир! «Худых» — восемь штук!

— Выбирайте!

— Я — Хмара. Предлагаю — ша!

— Идем с набором. «Соколиный удар» помните?

— Разучили, командир!

— Сейчас сдавать будете...

«Мессершмитты» по-прежнему держали строй — четверка ниже бомбовозов, четверка — выше. Они как будто в упор не видели всяких там «МиГов».

Рычагов усмехнулся неласково. Ну-ну...

— Я — Москаль! Четверка Баукова атакует ведущего передней девятки. Остальные — за мной. Бьем тех «мессов», что сверху.

— Есть!

Группа разделилась надвое и красиво заскользила, срываясь в крутое пике. Лишь теперь «мессеры» заволновались, потянули вверх. Поздно!

Разогнавшись почти до шестисот в час, жилинский «МиГ» выдал короткую очередь, разнося мотор завывавшему «Мессершмитту». Немец еще метров двадцать пролетел по инерции, разваливаясь, после чего опрокинулся брюхом кверху и понесся к земле. Прах к праху.

Литвинов, который шел у Павла ведомым, тоже не промахнулся, вогнав ха-арошую порцию пуль крупного калибра в кабину «мессера», снося ее до самого гаргрота. «Худой» свалился на крыло, и следовавший за ним «мессер» едва увернулся, подставляя борт. Рычагов «на автомате» выпустил очередь, буквально в упор. Мимо промелькнул узкий фюзеляж «Мессершмитта», изъязвленный дырищами, и полыхнуло огнем из пробитых бензобаков.

— Есть!

— Челышев, держись! Уходи со снижением! Всем смотреть в оба — меняйте профиль пикирования!

— Афоня! Смотри хвост!

— Внимание, группа. Идем с набором.

— Хмара, сзади сверху еще двое. Разворот!

— Рыба, уходи под нас.

— Дядя Миша, отбей!

— Уже!

— Пятый, набери еще метров триста.

— Я Пятый, принял.

— «Худые» на хвосте! Отсекай!

— Я — Бауков, атакуем вторую девятку. Бью ведущего. «Афоня», бей левого замыкающего, «Рыба» — правого.

Рычагов набирал высоту и не видел, что там творится с «Юнкерсами».

— Бауков, как успехи?

— Сбили ведущего, командир! И вся девятка ихняя расползлась, бомбы валят прямо в лес!

— Спускайте всех!

— Эт-можно!

— Коробков! Сзади!

— Твою ма-ать...

— Что там?

— Сбили Коробка!

— Ах, ты...

Рычагов, набрав достаточную высоту, «уронил» самолет — тот понесся вертикально вниз, наращивая скорость с каждым метром. Чувствовалась невесомость, а в прицеле проплывала туша бомбардировщика. До нее было еще далеко, метров триста, но Павел вжал гашетки — если сверху вниз бить, пули не должны растерять убойной силы.

Левое крыло «Юнкерса» испытали попадания, потек дым из пробитого бензобака, пыхнуло пламя, занялось...

Но Рычагов уже не смотрел на подбитого бомбера, он провожал глазами «мигаря», косо идущего к земле, стелившего за собой клубистый черный шлейф...

...На экране зарябили значки — пленка кончилась, и в зале зажегся свет. Он был совсем маленький, этот кинотеатр на двадцать мест, зато находился в Большом Кремлевском дворце.

Сталин расположился в первом ряду, попыхиывая папирасой — укреплял здоровье, отказавшись от знаменитой трубки.

Первая серия «Грозового июня» закончилась...

— Как вам кино, товарищ Рычагов? — спросил вождь и затащился, щуря рысьи глаза. — Герой на вас похож — и лицом, и повадками.

— Единственно — пафосу многовато, — проворчал Жилин.

Когда бандеровцы убили его, Ивана Жилина, в 2015-м, а он очнулся в 1941-м, в теле Павла Рычагова, то трудно было представить себе, что к этой невероятно вообще можно привыкнуть. Приспособился, однако...

— На вас не угодишь! — фыркнул Сталин.

Вполне, впрочем, добродушно. Хотя с самого утра Иосиф Виссарионович был весьма озабочен.

5 мая 44-го отгремел салют Победы, а нынче на дворе апрель 45-го. Вся Германия в руинах, покрывшаяся советскому солдату. Живи да радуйся! Ан нет.

— Черчилль грозился пойти на нас войной прошлым летом, — проговорил вождь. — Уже и осень прошла, и зима...

Иван кивнул.

— Не думаю, что наши brave союзнички решатся на военные действия, — сказал он, — пока мы не пособили им с Японией. Без нас им еще год пурхаться, как минимум. Но стоит только микадо задрать лапки вверх, англосаксы тут же забряцают оружием.

Сталин докурил и потушил папиросу в пепельнице.

— Товарищ Рычагов, а вас не удивляет... хм... как медиума, что и *тогда*, и сейчас Черчилль вынашивал одну и ту же операцию — «Немыслимое»?

Жилин пожал плечами.

— Надо полагать, что «жирный бульдог» обдумывал «Немыслимое» с 43-го. Вот только в иной

реальности, когда мы победили 9 мая 45-го, Черчилль с Трумэнном не отважились на войну с СССР. Драться с Красной Армией из-за какой-то там Польши? Да хоть вся Восточная Европа на кону — это слишком мелко. И опасно. Но теперь-то мы оккупировали всю Германию, полностью, а не одну лишь ее восточную часть. И половина Франции под нами, и вся Италия. Мы слишком изменили баланс сил, обеспечив соцлагерю перевес, а с этим ни в Лондоне, ни в Вашингтоне не смирятся.

Иосиф Виссарионович построжел.

— Следовательно, войне быть.

— Да, товарищ Сталин. Был бы жив Рузвельт, он бы сдержался, поскольку обладал умом. Но у Трумэна просто руки чешутся сбросить на кого-нибудь атомную бомбу. Нас он презирает, считает азиатами, не способными создать ядерное оружие. Гарри забывает, правда, что в Манхэттенском проекте первую скрипку играли немцы — Оппенгеймер, Эйнштейн и прочие. Американцы там были на побегушках.

Вождь усмехнулся, затем нахмурился, но не по причине геополитических неурядиц — он уже выкурил свою норму. Еще одну сигарочку? Только одну, и все...

Вздохнув, Сталин вытащил из коробки «Герцеговины-Флор» папиросу. Последнюю на сегодня.

Неторопливо закурил, затянулся, с удовольствием вбирая ароматный дым. Поглядев на часы, вождь сказал:

— Вячеслав прибудет ровно в одиннадцать, с докладом по Японии. Ви нам можете понадобиться, товарищ Рычагов...

Иосиф Виссарионович подал знак, и свет померк. На экране пошли титры. «Грозовой июнь». Вторая серия.

* * *

Прогуляться после «киносеанса» было даже приятно. Весенняя ночь окружала темнотой и зябкой прохладой. Шум московских улиц почти не доносился, заглушенный кремлевскими стенами. Жилин ступал неторопливо, с удовольствием вдыхая свежий воздух — кто не воевал, не поймет всю прелесть пешей прогулки.

Никакой тебе стрельбы и напряжения, ни пронзительного «ветерка смерти», пускающего холодок по спине, ни металлического привкуса опасности на губах. И сердце не тарахтит, как сумасшедшее, и ладони не потеют...

Пару лет, и все это пройдет, затянется новыми впечатлениями, а видения памяти обретут смутность. Иван вздохнул.

Он единственный в СССР, кто прошел две войны подряд — ту, долгую и кровавую, длившуюся невыносимые пять лет, и эту, что покороче. Опыта хапнул на двоих...

Сталин шагал рядом, погруженный в свои мысли.

— Помнится, товарищ Рычагов, «дух» сообщал об урановых бомбах, сброшенных американцами...

— Да, товарищ Сталин. На Хиросиму и Нагасаки.

Иосиф Виссарионович кивнул.

— Мы считаем, что Трумэна надо остановить в любом случае, подружимся ли мы с Японией или нет. Это не война, это военное преступление. Вот только дипломатией здесь не обойтись...

— Будем сбивать, товарищ Сталин.

— Разведка работает, мы в курсе того, насколько продвинулись американцы, насколько они го-

товы к ядерной бомбардировке. Вас, товарищ Рычагов, мы поставим в известность за двадцать четыре часа до начала атаки. Пароль «Черный свет», запомните.

— «Черный свет», — серьезно кивнул Жилин.

Подойдя к подъезду «уголка» — особого сектора в здании Совнаркома — вождь сказал:

— Поднимайтесь, товарищ Рычагов. Мне нужно.

— Да, товарищ Сталин.

Вождь прошествовал на первый этаж, где располагалась его кремлевская квартира, а Жилин миновал пропускной пункт охраны.

— Здравия желаем, товарищ маршал! — вытянулись бдительные стражи.

Иван небрежно козырнул и по широкой каменной лестнице, устланной красной ковровой дорожкой, поднялся на второй этаж.

С лестничной площадки, преодолев большую, совершенно пустую залу, Жилин свернул направо, шагая длинным коридором, упиравшимся в дверь сталинского кабинета, всегда закрытую.

Справа находились еще две двери. Иван открыл первую из них, попадая в «предбанник» — небольшую, продолговатую комнату. Тут размещался секретариат — прямо перед входом, в простенке между окнами, выходившими на Арсенал, сидел за столом генерал Власик, начальник охраны. Слева и справа от него стояли столы помощников Сталина — генерала Поскребышева и полковника Логвинова, всегда ходившего в штатском.

Пожав руку Власику и приветливо кивнув остальным, Жилин сказал:

— Хозяин зашел к себе и скоро будет.

— Да-да, — ответил генерал, — мне уже доложили.

— Проходите, товарищ Жилин, — тихо проговорил Поскребышев, поднимаясь из-за стола.

Иван кивнул и переступил порог комнаты офицера охраны.

Все трое были на посту и бдели — полковники Пономарев, Горбачев и Харитонов.

Жилин поздоровался и сдал оружие. Открыв дубовую створку, он шагнул в пустой кабинет Сталина.

Здесь было тихо, только размеренно щелкал маятник больших напольных часов. Иван медленно прошелся, оглядывая обстановку, ставшую для него привычной — стены, обшитые высокими дубовыми панелями, длинный стол для заседаний, гипсовую посмертную маску Ленина на особой подставке, накрытую стеклом, портреты Ленина и Маркса, Суворова и Кутузова.

Остановившись у окна, за которым виднелся Арсенал, подсвеченный фонарями, Жилин задумался.

Сталин благоволил ему, он снова, можно сказать, в фаворе. На доверии. Иван поморщился. Господи, о чем он только думает? При чем тут это? Фаворит нашелся...

Сталин — вождь, а не царь-государь. Он олицетворяет державу, которую создал на обломках Российской империи, и думает прежде всего об СССР. Но Иосиф Виссарионович тоже человек, обычный смертный, которому свойственно ошибаться. Кого-то он удаляет от себя, кого-то приближает, но и тут мерилом благоволения выступает не личная преданность и сумма лести, а верность Родине, готовность служить Советскому Союзу. И вот тут-то...

Иван прислонился лбом к холодному стеклу окна и закрыл глаза. Ох, как же это тяжело — пророком быть...

Он никому еще не признавался в том, кем на самом деле являлся. Всего трое человек — Сталин, Берия и Молотов — посвящены в тайну, да и то наполовину. Они считают Рычагова тем, за кого Жилин себя выдает. Медиумом, вызывающим дух ветерана войны, убитого в 2015-м. Пусть так и будет, не надо усложнять жизнь себе и людям...

Это «дух» передал свое знание будущего. Сталин поверил — и победил. Война закончилась на год раньше, в ней пало почти пятнадцать миллионов наших и более одиннадцати миллионов немцев. Потери страшные, если не сравнивать с тем, что было «в прошлой жизни».

Недельки через две, 5 мая, можно будет отмечать первую годовщину Победы. И что теперь?

На его-то памяти шла «холодная война», империалисты так и не решились развязать «горячую», побоявшись увязнуть в кровавой каше. Зато сейчас, похоже, Черчилль и Трумэн переступят через свой страх...

Запад просто не в состоянии принять послевоенный мир, в котором бытуют Народная Республика Италия и ГДР. Норвегию с Данией можно не считать, но вся Восточная Франция пока что занята советскими войсками. Президентом в Париже станет генерал де Голль, но при одном условии — если в кресло премьера усядется Морис Торез, глава компартии.

А так и будет! Секретные переговоры удались...

Вопрос: смирятся ли в Лондоне и Вашингтоне с тем, что Берлин, Рим, Вена, Париж, Копенгаген, Осло, Варшава станут прислушиваться к мнению Москвы? Ответ отрицательный...

Так что же он натворил, медиум недоделанный? Помог родной стране победить в войне с Гитлером, спас миллионы жизней? А для чего? Чтобы погубить их в боях с мировым империализмом?

— Спокойствие, — прошептал Жилин, — только спокойствие!

Заслышав шаги, он отпрянул от окна.

В кабинет вошел Сталин, за ним поспешал Молотов. Наркоминдел, как всегда, был деловит и суховат. Больше всего он напоминал Жилину пана Вотрубку из «Кабачка “13 стульев”». Церемонно кивнув Ивану, Молотов заговорил:

— Товарищ Сталин, наши уполномоченные выезжали в Японию, где встречались с министром армии Сюнроку Хата, премьер-министром Хидэки Тодзио и министром иностранных дел Мамору Сигэмицу. Эти трое, можно сказать, главных японских милитариста донесли наши предложения до императора Сёва¹...

— Какие именно?

— Уполномоченные твердо держались курса, выработанного нами, — дескать, союзники толкают Советский Союз на захват Маньчжурии, Южного Сахалина, Курил и острова Хоккайдо. Наши предложения сводятся к тому, что СССР не станет отвоевывать Курилы и Сахалин, вообще не будет вторгаться на территорию Японии, но требует вывести Квантунскую армию из Маньчжурии...

Сталин хмыкнул в усы:

— Ну, уж с вояками императора Пу И² мы как-нибудь справимся!

---

¹ Сёва — тронное имя императора Хирохито.

² Пу И — верховный правитель Великой Маньчжурской империи.

— СССР также не будет вмешиваться в события, происходящие в Корее, — продолжил Молотов, — на Тайване, в Китае и на Тихом океане. Более того, мы готовы обеспечить поставки в Японию леса, руды, угля, нефти и оружия — танков, самолетов, орудий и прочего. От нас не убудет, а списанные «Т-34» или «Ил-2» могли бы резко изменить ход войны на Тихом океане, ибо то оружие, которым ныне воюют японцы — часто старье и ломье. В этом случае Америка и Англия будут вынуждены перебросить войска и флот на Дальний Восток, ослабив свои позиции в Европе.

— Иначе говоря, мы предлагаем микадо открыть второй фронт.

— Да, товарищ Сталин. Отмечу, что император Японии весьма серьезно откликнулся на наши предложения и направил в Москву своего личного представителя, барона Саваду. Барон не вышел в большие чины, оставаясь «кайгун-тайи», капитан-лейтенантом императорского флота, но пользуется полным доверием микадо.

— И где он?

— Здесь, товарищ Сталин. Дождется.

— Пусть войдет.

— Товарищ Сталин... — Молотов бросил острый взгляд на Жилина. — Барон хотел встретиться не только с вами, но и с товарищем Рычаговым.

— Вот как? Его желание исполнится. Просите.

Вскоре в дверях появился Поскребышев, а за ним в кабинет проскользнул средних лет японец, одетый в штатское, но с выправкой кадрового офицера.

Жилистый, широкоплечий, с темной щеткой усов под вздернутым носом, барон Савада, чудилось, таил в себе опасную силу — она угадывалась